

©Елена Сизова

**Старопровансальская поэма XIII века «Фламенка»
и исторические реалии.
Атрибуция автора**

Вступление.

I. Главные герои, их прототипы и родня.

II. Прочие персонажи – участники свадебного торжества и пасхального турнира.

III. Потомки главных героев и повод для написания «Фламенки».

IV. Гильём Неверский, автор поэмы и круг его общения.

Заключение.

Гильём Неверский, автор поэмы и круг его общения

Переходя опять к литературным героям, справедливости ради, заметим, что описанию Фламенки не хватает полноты. Вот то немногое, что нам известно о героине:

И кожа у нее была
Нежна, ухожена, бела.
Горели волосы светло.

...

Гильем сквозь щель, куда войдет
Мизинец лишь, заметил рот,
Что нежен был, и мал, и ал.

...

Столь нежна
Та, что пред ним, и белолика
И статна.

...

Впрямь, эту даму видеть - честь,
Ибо достоинств в ней не счесть,
Столь ласкова она, любезна,
Столь сладостна и столь прелестна,
И удержать умеет тех
Дарением благих утех,
Кто обратит к ней слух и взор.

И более ничего, даже цвет туалетов не уточняется. Напротив, Гильем Неверский живописуется, что называется, с головы до пят:

Златые локоны волнисты,
Чело высоко, бело, чисто;
Густы, изогнуты, черны
С разлетом брови и длинны;
Глаза смеющиеся серы;
Изящно вырезанный, в меру

Длинен и тонок нос прямой
И с арбалетной схож лукой;
Лицо округло, краски живы.
Средь майских роз, как ни красивы,
Таких и самых свежих нет,
Чтоб этот повторили цвет,
Где белое смешалось с алым
В подборе, прежде небывалом.
А уши розовые, лепки
Искусной, и крупны, и крепки;
Прекрасен также рот точеный,
Во все, что произнес, влюбленный;
Во рту белеют зубы ровно,
Все из слоновой кости словно;
Чуть-чуть раздвоен подбородок,
Став лишь милей, - но контур четок;
Прямая шея - сгусток силы,
Не выперты в ней кость иль жилы;
В плечах широких мощь - они
На вид атласовым сродни,
Предплечий мышцы не малы
Отнюдь, но плотны и круглы;
Ладони тверды, и суставы
У длинных пальцев не костлявы;
Грудь широка и узок стан;
В ногах не сыщется изъян:
Хоть бедра мощны, но не тяжки,
И стройны выпуклые ляжки;
Коленки плоски; все в порядке
И с икрами: продолги, гладки;
Ступня крута, подъем высок -
Его догнать никто не мог!
Тот, кто теперь знаком вам ближе
Со слов моих, учась в Париже,
Все семь искусств там превзошел,
И сам сколько угодно школ
Открыть бы мог по всей стране.
Читать и петь он наравне
Мог в церкви с братьей клерикальной.
Домерг, учитель фехтовальный,
Так научил его колоть,
Что видел он, где шпаге плоть
Открыта, за любой защитой.
Красивый столь и родовитый,
Прямой и умный человек
Никем не видан был вовек.
Семь футов рост, плюс до руки
Два фута, встань он на носки.

«Для Средневековья речь шла совсем об ином: в это время ценным считалось все то, что приносило успех рыцарю – его красота, его мужество и так далее» (Режин Перну).

Красота тела тогда символизировала красоту души и оттенялась разнообразным гардеробом героя-любовника: по ходу сюжета приводятся подробные описания его одежды, шляп и обуви, вплоть до таких подробностей, что вышитые цветочки на обтягивающих ноги чулках были в тон наряда:

И к ним, таясь, Гильем проник:
Из багряницы плащ на нем
Золотозвездным был шитьем
Украшен: вышивок и ткани
Прелестно было сочетание.
Из шелка алого чулки,
Шаги изящны и легки.
Пред дамой первым сделал он,
Ее приветствуя, поклон.

Не был он чужд и прочих радостей жизни:

Любил он блеск турнирных дней,
Дам, игры, птиц, собак, коней,
Друзей и всякую забаву,
Что людям доблестным по нраву.

И, конечно же, искренняя вера и щедрость прославлялись как главные добродетели рыцаря:

Но о Гильеме речь: он бога
И слуг его любил премного,
Мирян и клир. Все шли гурьбой
К нему в гостиницу: любой
Не как в приюте получал
Лишь хлеб и воду - он встречал,
Одежды пышные даруя
И лошадей в роскошной сбруе;
Давал им средства на дары
Другим и для любой игры,
Три месяца мог длиться отдых,
Молчал хозяин о расходах.

И при этом:

Но ты, ты плен ее прерви:
И рыцарь ты, и клирик вместе.

...

Я грешен: в том мой грех,
Что волосами, без помех,
Зарос мой венчик незаконно,
Ведь я каноник из Перонна
И возвращусь туда в свой срок.

Венчик или тонзура – по примеру апостола Петра у монахов и священников на макушке выбривался кружок. Далее имелась в виду должность секулярного, т.е. не принявшего монашество каноника.

В часовне пикардийского города Перонн в графстве Вермандуа (намек на супругу реального Гильема де Невер, к которой он все-таки возвратится) с 1101 г. хранились мощи местного покровителя св. Фурса (567-648).

Пусть нас не удивляет двойственность этого положения: в то время принявшие церковный сан мужчины могли годами не появляться в своей епархии, а священники наряду с другими участвовали в военных походах. Вот почему Гильем так хорошо знал молитвы и канон церковной службы.

Автор поэмы проявляет прекрасную осведомленность об отношениях знати, торговых и религиозных особенностях 2-ой пол. XII в. во Франции, в соседних Брабанте, Намюре, Фландрии и северной Италии, что позволяет предположить его относительно близкое по времени существование:

Безвестный ли, иль знаменитый
Жонглер, быв под его защитой,
Не голодал, не холодал.
У многих он любовь снискал,
Даря им лошадей иль платье.
Сродни подобные занятия
Сеньору д'Альга, чьи старанья
Найти б должны были признание,
Будь справедливость здесь в ходу:
По доброй воле людям мзду
Дает он часто и с лихвой:
Известно мне, что годовой
Доход он за день раздает,
И дней таких по сотне в год.
Начав хвалить его за это -
Хотя любить эн Бернадета
Ему побольше не мешало б,
Притом, что от того нет жалоб, -
Для остального б рисковал
Я нужных не найти похвал.

Посему мы делаем вывод, что он часто бывал в замке Альга графства Руэрг-Родес. В то время он располагался на холме с видом на деревню Нан (по соседству с известным нам Бельмонтом в том же департаменте Авейрон), но был разрушен в 1629 г. по приказу кардинала Армана Жана дю Плесси де Ришелье (1585-1642).

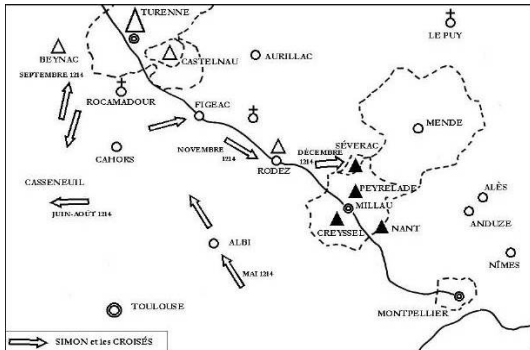


Деревня Нан.

С 1230 г. сиром де Альга и комтором де Нан стал Арнаут I де Рокфюль-Андюз (Арно Рокфейл, 1170-ые-1243), второй сын Гильяметты де Монпелье (1155-пос. 1209) и Раймона I де Рокфюль-Андюз (1155-1204). Раймон по наследству от матери получил титулы виконта де Крессель, комтора де Нан и барона де Рокфюль.

Комтор – старинный титул, существовавший в XI-XVI вв. в Каталонии и Лангедоке. По иерархии ниже виконта, но выше барона и давался сыну или младшему брату виконта.

Ведущий свое происхождение от вестготских виконтов Нима клан Рокфейль-Андюз дал Лангедоку нескольких епископов (в том числе, Альби и Каркассона во время религиозной распри), аббатов, монахов и потому один из первых поддержал католиков в борьбе против еретиков.



Карта походов Симона IV де Монфора в Лангедоке.

Несколько родственников Арнаута упоминаются во «Фламенке»:

Сир Бернарт V де Андюз – дед;

Сир Гильем VII де Монпелье – дед по матери;

Виконт Раймон II де Тюренин – кузен деда по отцу;

Граф Альфонс II Тулузский – дядя матери жены;

Граф Юк II де Родес – племянница Изабо де Рокфейль-Андюз (1210-ок.1271), виконтесса де Крессель около 1230 г. вышла замуж за Юка IV (1212-1273), его внука.

Сохранились документальные подтверждения, что он поддерживал родственные отношения с кузиной по матери арагонской королевой Марией де Монпелье (1182-1213):

Светился каждый локон,
Как будто золотой листок он,
Которые золотобит

До блеска в Монпелье плющит.

...

Лаванды, перца, смол, корицы,
Гвоздики, имбиря, муската
Запасы стали столь богаты,
Что в стенах городских, сиречь
На каждом перекрестке, сжечь
Их можно было полный чан.
Проходишь мимо, воздух прян -
Так в Монпелье под Новый год
Не пахнет в лавке, хоть толчет
Там бакалейщик свой товар.

До женитьбы сир де Альга не жил монахом, и его бастарды стали основателями линий Рокфейль-Версоль и Сен-Этьен де Гурге. 15 ноября 1228 г. он женился на Беатрис де Андюз, названной в честь бабушки Беатрис де Безье Тренкавель (1155-пос. 1193). Ее дед граф Раймон VI Тулузский (1156-1222) по матери доводился племянником королю Людовику VII. В браке молодая жена родила Арнауту де Рокфюль-Андюз шесть детей.

Отцы Беатрис и двух ее кузин с 1200 года являлись совладельцами Але близ Андюза, что способствовало еще более тесному общению этих семейств.



Город Але.

Арнаут с детства знал внучек кузенов и кузины – Маргариту де Андюз (Маркиза, ок. 1205-1252), Азалаис де Нарбонн-Пеле (Алейсетта, ок. 1205-пос. 1260) и свою будущую супругу Беатрис де Андюз (ок. 1206/12-1279). Впоследствии две кузины-ровесницы почти одновременно вышли замуж и тоже за кузенов: Азалаис – за Юка III Богатого де Шатонёф-Турнель (ок. 1210-1278), сира де Альтьер, Турнель и Монфор, а Маргарита – за Рандона де Рандон (ок. 1205-1278), сира де Рандонне и Шатонёф. Эти союзы бог тоже благославил детьми.

У мужа Маргариты был дядя по матери Юк де Шатонёф-Рандон (1180-?) с апреля 1198 года женатый на некоей Альмодис (Алмус, ок. 1175-?). Младшая сестра Маргариты – Вьерна де Андюз (ок. 1210-1279) вышла замуж за их сына и своего кузена Ги де Шатонёф-Рандон (ок. 1200-пос. 1265), сира де Жуайёз. Эти браки еще более укрепили родственные узы кланов Рокфюль-Андюз и Шатонёф-Рандон-Турнель.

Отцом Юка являлся Гарин I Бруно де Шатонёф-Рандон (ок. 1130-пос. 1180), вассал герцогини Альеноры Аквитанской (1121-1204) и виконтессы Эрменгарды Нарбоннской. Он настолько хорошо перенял у них куртуазные нравы, что, будучи первым поэтом Альверньи, в своих песнях взял на себя труд рассказать дамам, как они должны себя вести. Гарин Бруно призывал приспособливаться к мужьям и быть веселыми или грустными в зависимости от их настроения. Советовал женщинам петь и читать стихи для гостей, а также приветствовать жонглеров и трубадуров, поющих о любви. По крайней мере, это покажет хорошие манеры дамы, а если еще их одарить, то они сделают имя хозяйки известным далеко окрест.

Кузен Юка де Шатонёф-Рандон – барон Гарин II де Шатонёф-Рандон (1155-?) вступил во второй брак с Бланкой де Альвернья (ок. 1185-?), средней дочерью

знаменитого трубадура, покровителя поэзии графа Клермон-Монферрана Дальфина Альверньи (Дельфин, Дофин Оверни, ок. 1150-1235) и его первой жены Гильяметты де Комборн (ок. 1153-1199). Эта супружеская пара из Оверни и их разветвленная родня из Лимузена воспевались окситанскими певцами в кансонах и сирвентах. Бланка тоже внесла свою лепту в создание творческой атмосферы обширного круга сородичей мужа, привнеся родительские традиции куртуазии и знакомства.

Что не замедлило выявить поэтические таланты, проявившие себя на рубеже XII-XIII веков и в первой половине XIII века. Прежде всего, это создатель «Фламенки» и уже известные нам женщины, творившие в замужестве под именами мужей как трубадурки, Альмодис де Шатонёф, Азалаис де Альтьер и адресат ее «Привета любви» – дона Клара из Андюз. Возможно, что у Маргариты де Рандон из Андюз было второе имя Клара (в переводе с латыни «светлая, легкая») или же это было ее детское семейное прозвище.

Должны признаться, что на подобные изыскания нас подтолкнули ассоциации со строфами поэмы:

- "Да, Маргарита, ход нашед
Такой, ты вышла впрямь в труверки".

- "Да, дама, но по низшей мерке:
Всех лучше - кроме вас с Алис".

...

Удел презренный уготован
Тем знатным, кто необразован.
Взять даму: более она
Достойна, коль просвещена.

...

Фламенка и ее подружки,
Отнюдь не дурочки-простушки,
Приятных множество бесед
Вели втроем.

...

И вот, товарок
Те повели: Отон - Алис,
А с Маргаритой шел Кларис.

Вернемся же к сир де Альга, за год до смерти в духе того времени вступившего в орден францисканцев: он известен как первый носитель родового герба и недаром на нем есть веревка с тремя перехлестами, символизирующая белую веревку с тремя узлами, которую монахи этого ордена использовали вместо пояса. Цвета золота на красном поле заимствованы из гербов Родеса и Тулузы:



Герб Рокфейль-Андюз.



Герб графства Родес.



Герб графства Тулуза.

Рассказы об участии в праздновании свадьбы и в турнирах вместе с королем Франции передавались в роду от дедов к внукам. И комтор де Нан Арнаут I де Рокфейль-Андюз, принадлежа к родовой знати Лангедока, как двоюродный дядя короля Арагона с

1213 г. Хайме I Завоевателя (Иаков, 1207-1276) и родственник не только собственного сеньора – графа Юка IV де Родес, но и сеньора сеньора – графа Тулузы с 1222 г. Раймона VII (1197-1249) наверняка в числе первых прибыл на торжества в Памплоне и Сансе в 1232 и 1234 гг.:

И столько графов и комторов
Сошлось, вассалов и сеньоров,
Баронов - знатен и богат
Любой, и все блистать хотят -
Что в городе для них нет мест.

Кто же написал сей труд? Творец в своем творенье виден, как в голограмме и в поэме достаточно говорящих деталей. Проанализировав текст, лингвисты поняли, что «Фламенка» написана на старопровансальском, а точнее, руэргском диалекте и, соответственно, автор родился и жил в графстве Родес или Руэрг, что территориально соответствует современному департаменту Авейрон.

На протяжении всего повествования он показывает, что не лишен учтивости, деликатности и сословных предрассудков:

В любви сердечной тут причина,
Сокрытой от простолюдина.
Ей чужд и наглый ухажер -
Жаль, что завел я разговор
О них, но столько их повсюду,
Что, вот, сказал, а впредь не буду.

Без сомненья, получил степень магистра на факультете канонического права в Монпелье (1160) или, скорее всего, в Париже (1170), ведь в поэме используются юридические термины:

Лен конфискуя, коль оброк
Ему не будет отдан в срок,
Он действует как сюзерен.
...
Не могшая хоть половину,
Треть, четверть долга господину
Отдать - не полноправный ленник,
А откупщик-иноплеменник,
Гонимый с присными из дому.

Автор также имел практический опыт ведения церковной службы:

Хозяин молвит: "Эй, сеньор,
Да вы молитв знаток дотошный!
А здесь у нас алтарь роскошный
И редких множество мощей,
Вы, просвещенный книгочей,
Об этом знать должны тем паче".
- "Да, это так, мой друг, иначе,
Меня отрадой не даря,
Пройдет и чтение псалтыря,

И пенье по молитвослову,
И поучительное слово".

...

Высоко обритый,
С тонзурой, плащ накинув сшитый,
Гильем вечерню отстоял:
Вверх задирался, словно мал
Сперва был плащ, когда он руки
На бедра клал; но той науке
Во время службы постепенно
Он обучился, и отменно
Плащ под конец на нем сидел.

...

И говорит: "Каким стихом
Благословлять здесь повелось
Мирян? Из псалтыря, небось?"

...

Но для почину
Его не надо было в спину
Бить иль ногтями руку рвать -
Он пел священнику под стать.

Знал латынь и обладал обширной начитанностью в античной и рыцарско-куртуазной литературе, да и сам поездил по свету и много видел, слышал, испытал. Получить достойное образование его наверняка толкнула жизненная необходимость: владения отца по наследству получали первенцы, земли, полученные как приданое матери – чаще всего, средние братья, а младшие становились священниками или отправлялись искать лучшую долю в чужие края и женились на богатой невесте.

Этому мужчине в достаточной степени присущи такие качества, как наблюдательность, проницательность, опытность, а также изощренность и живость ума истинного южанина. Короче говоря, тертый калач.

В целом, автор «Фламенки» близок к этике и эстетике южнофранцузских трубадуров, иронически воспринимая религиозный аскетизм и захватывающе описывая жизнеутверждающие радости Амора:

Как будто сердце вдруг взяла
Она в ладонь и унесла.

...

"Увы, - он молвил, - сколь ничтожны
С любовью рядом - состоянья
Богатые, любые знанья,
Ум, рыцарство, происхождение,
Куртуазия, поученья,
Все чувства, красота, семья,
Мощь, доблесть, мужество, друзья!"

...

Ты можешь все, Амор, Амор!
Не выдумать, Гильем что выбрал:
Тонзуру ради дамы выбрил!
Надеть всегда влюбленный рад

Изящней и пышней наряд,
Богато выглядеть и броско,
Изысканна его прическа.
А брат Гильем - как патарен:
Служенье господу взамен
Служенья даме.

...

Ибо свела б на нет порыв
Она, моей не разделив
Услады; быть должно лишь так,
Чтоб мог в любви найти я смак:
Когда один другому лаком,
Страсть отдает особым смаком.
Пусть буду, как сейчас, желать я
Ее и заключу в объятия
И к ней прильну, но вдруг догадка
Придет на ум, что ей несладко
Иль терпит кротко страсть саму
Она, не зная почему, -
И смака не найду я. Надо,
Чтоб страсть мою ее услада
Дарила смаком невзначай -
Один другого услаждай!

...

Так что о том, чтобы возлечь,
В тот день не заходила речь:
Довольно было им лобзаний,
Ласк и в объятиях слияний
И прочих игр любви, к которым
Есть вкус у призванных Амором.

...

Уходят в ванны, где утех
Вкусить в уюте, без помех,
В охотку, и повеселиться,
Причем уже не как девицы,
Алис и Маргарита скоро
Сумеют: дар им от Амора
И Юности - одна игра.
Коль место есть, да и пора,
Ошибкой было бы печальной
Не разложить им стол игральный.
И столь удачен был состав
Игравших, что они, сыграв,
Вновь тянутся к друзьям прелестным.

...

В игру такую же, меж тем,
Играет пылко и Гильем
С партнером, что не меньше любит
Борьбу и в схватке не уступит.
Был в их игре большой подъем.

Не стоит говорить о том,
Каков был тот иль этот выпад.
Один лишь сделаю я вывод:
В игре такого нет приема,
К которому была б влекома
Душа влюбленная, чтоб им
Казался он неисполним,
Нелаком иль необсуждаем.

...

Той благо, кто такого примет
Так, что при ней он платье снимет!

...

Взор нежный бросила она,
Так что, лобзаньем глаз - лица
Коснувшись, обнялись сердца.
И так лобзанье было сладко,
Что их утихла лихорадка.

...

В любви такая всем отрада
Была, что каждый мнил, что он
В рай заживо перенесен.

...

Пусть
Отбросит всякий рыцарь грусть
Любовную, пусть из-за ков
Помешанных клеветников
Он вежества не ненавидит,
Пусть влюбится, коль случай выйдет!

Круг гипотетических претендентов на авторство поэмы достаточно широк, но мы рискнули предположить и остановились на одной кандидатуре:

«Дауде де Прадас родом был из Руэрга, из города под названием Прадас, что на четыре лиги отстоит от города Родес, и был он магелонский каноник. В науках был он весьма сведущ, искусен в трубадурском искусстве и одарен природной смекалкой. Отлично разбирался он в повадках охотничьих птиц, кансоны же свои слагал только благодаря искусности своей в этом искусстве, а не вдохновляясь любовью, и оттого у изящной публики были они не в почете и пелись редко» (Жан де Нострдам).



Город Прад-де Салар.

Известно, что Дауде (лат. Deodatus de Pradas, изв. в 1214-1282) из Прад-де-Салар (департамент Авейрон) написал кансоны о победах в амурных делах и рыцарской любви, стихотворный трактат о соколиной охоте и дидактическую поэму о четырех добродетелях. Трактат состоит из 3792 строф, что показывает умение Дауде создавать большие по объему вещи, ведь «Фламенка» состоит более чем из 8000 строф:

- "Что ж, рыцаря тут вспомнить впору,
Которым нашему сеньору
Был сокол с напуском в подлет
Подарен в самый день охот
Под Монгарди. "

Сохранилось девятнадцать сочинений Дауде, и на русский язык тоже А. Найман перевел одну из «победных» песен:

Сама Любовь приказ дает,
Чтоб всем я в песне рассказал,
Сколь много от Любви стяжал
И как ей воздаю почет.
Во исполненье сих велений,
А также в честь красы весенней,
Я описать для вас решаю,
Какие радости вкушаю
(Не расставаясь и с мечтой,
Для сердца моего святой).

Счастливым нынче выпал год,
И выбор радостей немал.
Я все утечи испытал,
Какие нам любовь несет:
Пред Донной я склонил колени –
Она всех в мире совершенней, -
Пред знатною девицей таю
И девкой не пренебрегаю!
Но куртуазности былой
Не изменил в любви тройной.

На пользу мне же, долг зовет,
Чтоб Донне честь я воздавал.
А коль немного заскучал –
К девице знаю тайный ход.
Хочу ли больших наслаждений –
Их без запретов, без стеснений
С веселой девкой получаю,
Когда часочек улучаю,
Чтоб с нею дань воздать порой
Любовной радости простой.

Закон Любви нарушит тот,
Кто Донну для себя избрал

И овладеть ей возжелал,
Сведя избранницу с высот.
У Донны жду я утешений
От самых скромных награждений,
Но шнур или перстень, уверяю,
На трон кастильский не сменяю.
А поцелуй один-другой –
Подарок самый дорогой!

И у девицы мне почет:
Она радушно вводит в зал,
И сразу – я заранее знал –
Садится рядом, так и льнет!
С ней не теряем мы мгновений:
Я все нежней, самозабвенней
Ее, притихшую, ласкаю.
Сначала к щечке приникаю,
Потом и поцелуй срываю,
Касаюсь груди молодой...
Но тут предел положен, стой!

А девка нежностей не ждет,
И не затем я девку взял,
Чтоб чем-нибудь себя связал!
Она готова наперед
Весь жар любовных вождений
Со мной делить без возражений,
Все исполнять, чего желаю,
Когда с ней игры затеваю,
Да удивить и новизной,
Хотя игрок я записной!

Читая эти строки, невольно ловишь себя на мысли, что где-то уже видел подобное. Верно, на лицо сходство игриво-эротичного тона кансоны и поэмы «Фламенка».

В одной из рыцарских песен о любви Дауде де Прадас выражает даме надежду, что за него будет ходатайствовать Милосердые. Но когда, наконец, он встречается свою Юную Радость в замке, то ее высокомерие невыносимо:

Такою великую гордость показала,
Как будто ключ от всего мира держала.
(Перевод Е. Сизовой)

Согласно куртуазному канону автор поэмы не преминул посвятить жалобам на даму многочисленные похожие строки:

Казалось, без помех сейчас
Весь мир в своей он держит власти.

...

О дама Милосердые, вы

Спасеньем прежде были скорым.

...

- "Ах, что мне делать, коль отказ
Получен, нежная, от вас,
В ком весь мой мир. "

...

Злой дьявол та, кто ждатель по году
Велит, чье милосердие туго
На дар любви - усладу друга -
Всего один, чтоб, как ни мал
Он был, в унынье друг не впал.

...

Где сердце у нее, коль губит
Она того, кто чтит и любит
Ее и жалуется богу
И ей, что обошлись с ним строго?
Она же хочет сделать вид,
Что это блажь, и норовит
От друга даже спрятать руку.
Ну право ж, следовало б злоку
Схватить за шиворот, как вора.
Полна жестокости и вздора
Ее душа. Бог накажи
Исчадь гордости и лжи!
И не кичиться б красотой
Ей, с толку сбитой и пустой,
Коль милосердия и любви нет:
Пребудет милосердие - сгинет
Краса; и, как Овидий учит,
Для той, что нынче друга мучит,
Настанет день, когда она
В постели будет стыть одна,
Старая; та, кому теперь
Наносят ночью роз под дверь,
Чтобы, найдя их, ей проснуться, -
Тех не найдет, кто прикоснуться
Захочет к ней, как ни мани.

Совпадение смысла и отдельных характерных слов не может быть случайным и дает основание предполагать, что их написал один человек – Дауде де Прадас.

Автор подарил удачливому герою поэмы не только любовь к охоте и женщинам, но и свой сан каноника. Ведь он по документам магистр, каноник и с 1266 г. генеральный викарий Родеса. И вообще, это имя часто упоминалось вместе с именами графов и епископов Родеса, а также при заключении договорных актов с Симоном IV де Монфор.

Есть версия, что ему оказывал покровительство Раймон II Бернарт де Андюз (1170-ые-пос. 1226), виконт де Крессель, барон де Рокфюль и де Мейрюс, помогая продвижению способного клирика и созданию его блестящей карьеры в Родесе или епископстве Магеллон. Ведь семейства де Родес, де Монпелье и де Рокфейль-Андюз, как мы знаем,

были связаны родством. Не исключено, что именно он в свое время послал Дауде учиться в Париж, ибо, только зная язык ойль и каноническое право тот смог стать полезным в дипломатии с французами:

А Никола,
Чья благота мне столь мила,
Советую послать в Париж
Учиться: свеж умом малыш,
Он за два года то усвоит,
Что дома за три. Это стоит
Четыре марки, плюс расход
На платье новое раз в год.

Что ж, как мы знаем из истории, это далеко не единственный высокопоставленный церковный деятель, писавший любовные стихи и друживший с трубадурами:

Хотя любить эн Бернадета
Ему побольше не мешало б,
Притом, что от того нет жалоб.

Автор призывает младшего брата своего покровителя Арнаута I де Рокфюль-Андюз оказать поддержку некоему господину Бернадету. Возможно, это их земляк и общий знакомый – трубадур из Руэрга Бернарт де Вензак (изв. с 1180-пос. 1210/34), писавший сложным языком религиозные кансоны и сатирически-морализаторские сирвенты:

Считаю я,
Что любя супругу любовью ложной,
Крадешь у себя,
На тряпье меняя наряд законный.
(Перевод Е. Сизовой)

В свое время он упоминал в песнопениях Юка II де Родес, но после смерти графа и других знатных сеньоров его поколения творчество старого трубадура оказалось никому не нужным. Что и неудивительно – исходя из того, что мы знаем об исторических реалиях Лангедока и Прованса в то время. Каноник не мог существенно помочь ему в силу своего положения и обратился к одному из немногих не разоренных усобицей и сохранивших свои доходы знакомых владельцев замков.

Но повторимся, что все это не более, чем предположения.